

Глава 18. Деревенские пустыки. Визит к деду и бабушке: шум да брань

—

Линь Юэ перевел взгляд на идущих впереди родителей Шэнь и внезапно осознал: должно быть, это они дали наказ Шэнь Линчжи поведать ему эти старые истории. Пока они перешептывались, те трое впереди шли не спеша, явно поджидая их.

Линь Юэ мысленно вздохнул: «Эта семья оказалась весьма чуткой. Что ж, раз так, приму это как возможность расширить кругозор — никогда еще не видел такой вопиющей предвзятости».

Как только эта мысль промелькнула, Линь Юэ неловко кашлянул, почувствовав себя немного аморально из-за своего любопытства. Не успел он оправдаться перед самим собой, как Сун Сюньчунь поманила их рукой:

— Почти пришли. Подойдите поближе, войдем все вместе.

Линь Юэ ускорил шаг:

— Иду, матушка.

Когда до нее оставалось всего пара шагов, Сун Сюньчунь придержала его:

— Сейчас просто держись Хуайчжи. Поздоровайся со всеми, и если захочешь — поговори немного с бабушкой. На остальных не обращай внимания.

Линь Юэ покорно кивнул:

— Я понял, не беспокойтесь.

Пока они шли дальше, Шэнь Хуайчжи намеренно отстал и, оказавшись за спиной Линь Юэ, тихо предупредил:

— Если сейчас кто-то скажет что-то неприятное, не сдерживайся. Не давай себя в обиду.

Из-за пристрастности деда Шэнь, отношения отца Шэнь со старшим братом в детстве были посредственными, зато с младшим братом Шэнь Юньчу он был очень близок. После того грандиозного скандала братья практически перестали общаться. Семья Шэнь Чжэнчу навещалась к старикам лишь дважды в год, принося муку, рис и одежду для бабушки Шэнь — хотя формально дары предназначались обоим родителям.

В нынешние времена закон «родители не бывают неправы» стоял незыблемо. Когда Шэнь Чжэнчу с женой настояли на разделе имущества, многие в деревне за их спинами судачили о сыновней непочтительности. Только благодаря тому, что бабушка Шэнь многократно хвалила их при людях, их репутацию удалось спасти.

Позже, когда Шэнь Хуайчжи начал учиться, вопрос репутации стал еще острее: на экзаменах на это смотрели очень строго. Стоило разнестись слуху о непочтительности, и ни один односельчанин или сюцай не согласился бы стать поручителем. Без поручительства нельзя было сдать даже самый низший экзамен на туншэна. Семье Шэнь Чжэнчу приходилось действовать осторожно; все эти годы они безупречно соблюдали приличия. Каждый раз, когда они приносили подношения, это делалось прилюдно и с размахом. В сочетании с похвалами бабушки Шэнь слухи постепенно сошли на нет.

Дед Шэнь был этим крайне недоволен. При каждой встрече он не скрывал неприязни: в лучшем случае обдавал холодом, в худшем — осыпал бранью. Шэнь Хуайчжи было всё равно, что говорят ему, но он не хотел, чтобы Линь Юэ терпел унижения.

Линь Юэ поначалу думал, что его роль сегодня будет скромной, но после того, как Сун Сюньчунь и Шэнь Хуайчжи по очереди дали ему наставления, а Шэнь Чжэнчу и Шэнь Линчжи посмотрели на него с явной тревогой, он невольно занервничал.

И язык сам собой выдал вопрос:

— А если я не сдержусь, можно мне огрызнуться?

Шэнь Хуайчжи запнулся на мгновение, но кивнул:

— Можно. Главное — сам не расстраивайся.

Линь Юэ улыбнулся:

— Хорошо, я понял.

Дом старшего дяди находился в центре деревни, совсем недалеко. Меньше чем через один кэ (~ 15 минут) они уже стояли у ворот.

Калитка была открыта. Сун Сюньчунь заглянула внутрь и крикнула:

— Старшая невестка, вы дома? Мы пришли навестить отца и мать.

Из двора с улыбкой вышла женщина:

— Дома, дома! Как раз вас ждем. Проходите скорее в дом, присаживайтесь.

Старшая невестка, Янь Ланъин, была женщиной радушной и красноречивой. До раздела имущества они с Сун Сюньчунь ладили неплохо: бывали трения, но до ссор не доходило. После тех событий, когда их семья осталась в выигрыше, они отделились, но внешне сохраняли приличия. При встречах в деревне они всегда улыбались друг другу, так что несведущие люди могли подумать, будто невестки очень близки.

Вслед за ней гости вошли в главную комнату. Шэнь Чжэнчу и Сун Сюньчунь шли первыми. Поставив принесенные вещи на стол, Сун Сюньчунь спокойно улыбнулась:

— Отец, матушка, вчера Юэ-гер вошел в наш дом, сегодня привели его повидаться с вами. Вот немного риса, муки и два куска мяса — подарок от молодых супругов, чтобы дедушке с бабушкой было из чего приготовить праздничное блюдо.

Сказав это, она повернулась к Линь Юэ:

— Юэ-гер, это дедушка и бабушка.

Услышав это, Линь Юэ поклонился им и послушно поздоровался:

— Дедушка, бабушка.

Сун Сюньчунь поочередно указала на остальных присутствующих:

— Это твой старший дядя, старшая тетья, жена двоюродного брата. Самого двоюродного брата и маленького племянника сейчас нет.

Янь Ланъин тут же пояснила:

— Твой двоюродный брат уехал в город на учебу, а племянник еще не проснулся. В следующий раз принесу его познакомиться с маленьким дядей.

Поздоровавшись со всеми, Линь Юэ тихонько отступил на шаг назад и краем глаза принялся разглядывать двух стариков, сидящих на почетных местах.

Бабушка Шэнь, в девичестве Лю, была маленькой старушкой. Каждая морщинка на ее лице была следом прожитых лет. Взгляд ее затуманился от старости, но в нем сразу читались доброта и забота. Одета она была в темно-синее хлопковое платье, на рукавах которого виднелись заплатки, но всё было чистым и опрятным. Серые волосы были аккуратно зачесаны назад и повязаны платком того же цвета, что придавало ей очень собранный вид.

Что же касается дедушки Шэнь, то Линь Юэ, даже стараясь быть непредвзятым, сразу почувствовал: с этим человеком будет трудно. Выдающиеся скулы, вечно нахмуренные брови, лоб, изборожденный глубокими складками. Старик смотрел на них ледяным взглядом.

Бабушка Шэнь, зная характер своего старика, заговорила первой:

— Хорошо, хорошо. Хуайчжи, ты взял фулана — теперь относись к нему достойно, живите душа в душу.

Она не заставляла Линь Юэ подходить ближе, лишь похвалила:

— Какой Юэ-гер красавец, нашему Хуайчжи повезло.

Линь Юэ с улыбкой ответил:

— Здравствуйте, бабушка. Я Линь Юэ. Мы будем жить хорошо, не беспокойтесь.

— Не беспокоюсь, не беспокоюсь. Вы оба хорошие дети, сердце мое спокойно.

Бабушка с внуком хотели было продолжить беседу, но их прервал голос деда Шэнь.

Шэнь Пин уставился на Шэнь Чжэнчу и холодно хмыкнул:

— Всё-таки соизволили явиться. А я уж думал, вы и дорогу к родному дому забыли. Что так поздно? Могли бы уже завтра прийти.

Линь Юэ, видя, что его свекор Шэнь Чжэнчу не отвечает на этот выпад, мысленно проворчал: «Завтра у меня визит в родительский дом, кто к тебе пойдет-то?»

Видя молчание второго сына, Шэнь Пин разозлился еще больше. Он повернулся к Сун Сюньчунь и рявкнул:

— Что, язык проглотила? Это всё из-за тебя, смутьянки! Как в дом вошла, так и подбила Лаоэра* на раздел имущества. И что, сладко вам живется после раздела? Даже о родителях не заботитесь, непочтительные.

[*] (лао) + имя числительное: 二 — Лаоэр, второй ребёнок из братьев.]

Следом он принялся ругать братьев Шэнь:

— А вы двое тоже крылья расправили? Рот есть, а здороваться не научили? И такой еще учиться пошел... Небось, купил звание туншэна, ни капли на двоюродного брата не похож! А ты, гер, такой непослушный... Выйдешь замуж, начнут тебя там колотить — и не смей говорить, что ты из семьи Шэнь!

Закончив разнос по отдельности, он подвел итог:

— Вся семейка одним миром мазана. Пришли в дом — и хоть бы одна улыбка на лице. Можно подумать, на мои похороны плакаться явились.

Старший дядя Шэнь всегда во всем слушался отца, поэтому тут же поддакнуть:

— Отец, не гневайтесь. Второй брат, и ты тоже — ну как так можно детей воспитывать? Не получается самим — хоть бы с моего Вэньчжи пример брали.

Линь Юэ слушал в полном оцепенении. По неосторожности он встретился взглядом с Шэнь Пином, и не успел опустить голову, как тот наставил пушку на него:

— А этот гер совсем нескромный. Разрядился как павлин, никаких приличий.

Линь Юэ: «???»

Он вчера только замуж вышел, сегодня на нем новая одежда изумрудно-синего цвета и красная лента в волосах — и это «как павлин»?

Нет, неужели семья Шэнь сделана из теста? Как они это терпят? Линь Юэ оглядел своих: все четверо стояли с каменными лицами. Затем он снова посмотрел на Шэнь Пина с его язвительной, злобной миной — и не выдержал.

Кто вообще говорит молодоженам на второй день после свадьбы, что они выглядят как на похоронах? Это же дурная примета, никакой деликатности.

— Уж простите меня, я молод и не знал, что так одеваться — это «как павлин». Знай я заранее, пришел бы в мешковине.

— Вчера свадьба была, а сегодня на лице ни улыбки, словно на похоронах — и впрямь, нехорошо вышло. В следующий раз на ваши похороны я обязательно приду с улыбкой, обещаю — останетесь довольны. А если не понравится — вскочите и отругайте меня, я и слова поперек не скажу.

Шэнь Пин привык к абсолютному деспотизму, в доме никто не смел ему возражать. Внезапная выходка Линь Юэ привела его в бешенство. Он тяжело задышал, указывая пальцем на Линь Юэ:

— Замолчи! Невоспитанный мальчишка! В этом доме я хозяин, и тебе слова не давали! Еще хоть звук — и я велю Хуайчжи развестись с тобой!

Шэнь Хуайчжи пристально посмотрел на Шэнь Пина. Его взгляд был холодным как лед, в нем не было и тени почтения к родному деду. Голос прозвучал ровно:

— Не разведусь.

Линь Юэ, вскинув подбородок, посмотрел на старика:

— Это вы-то тут «хозяин»? Я слышал, что хозяева бывают в богатых городских усадьбах. А в этих трех глинобитных хижинах с черепками да плочками — что вы тут решаете? Решаете, чтобы мне потом ни одной плочки не досталось? Да кому они нужны! И разводом меня пугаете? А вы попробуйте! Пусть тогда все узнают, что этот старый пристрастный самодур выгнал нового фулана на второй же день.

— Ты... ты... а ну вон отсюда!

— Хм, я сейчас как раз пойду к воротам, сяду и буду плакать. Пусть вся деревня знает, что меня, едва я в дом вошел, до смерти доводят. Если староста не придет и не рассудит нас, жить не стану!

— Что, ударить меня хотите? А я вас предупреждаю: я сдачи дам. Если я вам ногу сломаю — не жалуйтесь потом.

— Непочтительный сын! Шэнь Чжэнчу, ты непочтительный сын! Вырастил волков неблагодарных! Ты что, отца в могилу свести хочешь?!

Шэнь Чжэнчу давно хотел вставить слово, просто боялся помешать Линь Юэ. Они с таким трудом нашли этого фулана для сына, будет плохо, если он перенервничает.

— Вы разве еще десять лет назад не знали, что я непочтительный? Что ж сейчас спрашиваете? Вы же сами говорили, что ни моя жизнь, ни моя смерть вас не интересует — неужто забыли?

— И еще: каков фулан моего сына — не ваша забота. Я сам со своими разберусь.

Шэнь Пин сверлил его взглядом:

— Знал бы — в колыбели бы придушил.

— Придушили бы вы меня — кто бы тогда на вашего старшего сына и старшего внука деньги зарабатывал? Ваш старший внук уже десять лет учится, что-то не видать, чтобы он хотя бы туншэном стал.

Трость в руках Шэнь Пина с глухим стуком забила по полу. Он взревел:

— Прочь! Все пошли вон! Стая волков неблагодарных!

Линь Юэ это не устроило:

— Что за дела? Мой муж сдал экзамен на туншэна — разве это не прославление рода Шэнь? А ваш старший внук — он что, уже в звании чжуаньюаня, раз вы о нем так печетесь? Дайте и мне на него посмотреть, кругозор расширить.

[*Чжуаньюань (胄, zhuànguān), дословно: «образец для подражания во всём государстве», цзиньши — обладатель лучшего результата среди получивших первую степень.]

— Говорите так гадко... Вы этот язык несколько лет в рассоле мариновали, что он такой ядовитый? Да-да, мы волки неблагодарные. А ваш старший сын, значит, молодец? Почему же он в хлопке ходит, а вы до сих пор в мешковине с заплатками?

— А я не уйду! Пусть сначала люди из деревни рассудят. Я человек добрый, должен им рассказать, что среди них живет такой вот несостоявшийся детоубийца. Сегодня он жалеет, что сына не придушил, а завтра, глядишь, и на соседа набросится. Надо их предупредить, чтоб обходили вас стороной.

Шэнь Пин в ярости замахнулся тростью, чтобы ударить его, но Шэнь Хуайчжи вовремя перехватил его руку.

Тогда, в детстве, он беспомощно смотрел, как эта трость опускается на спину отца. Сегодня этого не будет.

— Отойди! Я вижу, ты все свои книги псу под хвост спустил! Завтра же пойду в управу и подам на вас жалобу за непочтительность, всех за решетку упекут!

Линь Юэ упер руки в бока:

— А идите! Пусть первым схватят старшего дядю: сам в хлопке, а отцу мешковину подсунул. Потом пусть двоюродного брата заберут: столько лет проедал дедовские заначки на гроб, ни старших не уважает, ни младших не любит — иначе разве его младший брат был бы «непочтительным»? Явно дурной пример подал. А когда всех остальных перехватывают, в семье Шэнь никого и не останется. Уж не знаю, удержит ли крышка гроба ваших предков, не придут ли они к вам в полночь разбираться.

— Ты... ты... замолчи!

Рука Шэнь Пина, сжимавшая трость, дрожала как осиновый лист, лицо побагровело, а тяжелое дыхание было слышно издали. Линь Юэ даже немного заволновался: «Неужели он сейчас сознание потеряет?».

«Сам ругается так лихо, а от пары моих слов чуть не в обморок падает. Я ведь еще и в полсилы не вошел».

Тут подала голос бабушка Шэнь:

— Уходите пока. В этом году больше не приходите.

Линь Юэ подумал, что она рассердилась, но, подняв взгляд, увидел, что она совершенно спокойна. Она едва заметно махнула им рукой, а встретившись взглядом с Линь Юэ, даже мимоходом улыбнулась, словно прося его не беспокоиться.

—